

(PHILOSOPHY)

Эрих
ФРОММ

ЗабЫтый язык

Издательство АСТ
Москва

УДК 159.963
ББК 88.6
Ф91

Серия «Философия – Neoclassic»

Erich Fromm

THE FORGOTTEN LANGUAGE

Перевод с английского *А. Александровой*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения

The Estate of Erich Fromm and of Annis Fromm
и литературного агентства Liepman AG, Literary Agency.

Фромм, Эрих.

Ф91 Забытый язык / Эрих Фромм ; [пер. с англ. А. Александровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Философия — Neoclassic).

ISBN 978-5-17-101275-5

Сновидения — особая, бесплотная форма нашего бытия. Сколько раз, просыпаясь, мы пытались разгадать увиденный сон и сколько раз пытались забыть его, напуганные кошмаром. Фрейд, Юнг и множество других психоаналитиков посвящали снам серьезнейшие научные труды. Эрих Фромм, один из величайших «философов от психологии», выдвигает собственную, совершенно оригинальную теорию сновидений и методику их толкования.

Согласно его теории, сновидения — это своеобразная «память предков», универсальный язык символов, сохранившийся в нашей памяти с глубокой древности, язык, единый для всех культур и народов на протяжении всей истории человечества, изучив который мы сможем глубже познать самое себя и друг друга.

УДК 159.963
ББК 88.6

© Erich Fromm, 1951
© Перевод. А. Александрова, 2017
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-101275-5

Неразгаданный сон подобен нераспечатанному письму.

Талмуд

Сон снимает одежды обстоятельств, вооружает нас пугающей свободой, и всякое желание спешит обернуться действием. Опытный человек читает свои сны, чтобы познать себя; возможно, он понимает их и не до конца, но улавливает суть.

Эмерсон

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга основана на лекциях, которые я прочел как вводный курс для студентов и аспирантов Института психиатрии Уильяма А. Уайта и колледжа Беннингтона. Книга адресована изучающим психиатрию и психологию и всем, интересующимся этими предметами. Как показывает подзаголовок, эта книга является введением в науку понимания символического языка и по этой причине не касается многих более сложных проблем данной области, обсуждение которых не соответствовало бы целям введения. Таким образом, например, теорию Фрейда я обсуждаю только на уровне его «Толкования сновидений», а не в свете более трудных концепций, которые он развивал в своих поздних работах; не пытаюсь я обсуждать и те аспекты символического языка, которые, хотя и необходимы для полного понимания рассматриваемых проблем, предполагают более общую информацию, чем

содержащаяся на этих страницах. Этих проблем я планирую коснуться позднее, во втором томе. Термин «понимание» сновидений и т. д. был намеренно выбран вместо более общепринятого «интерпретация». Если, как я постараюсь показать на следующих страницах, символический язык является самостоятельным языком — в действительности единственным универсальным языком, который когда-либо создавала человеческая раса, — то проблема понимания не сводится к интерпретации, как если бы это был искусственно разработанный секретный код. Я полагаю, что такое понимание важно для любого человека, желающего понимать самого себя, а не только для психотерапевта, намеревающегося лечить психические отклонения; поэтому я считаю, что символический язык следовало бы преподавать в школах и колледжах точно так же, как другие «иностранные языки». Одна из целей этой книги — внести вклад в реализацию данной идеи.

Я признателен д-ру Эдварду С. Тауберу, прочитавшему рукопись, за полезные критiku и предложения.

Я хочу поблагодарить д-ра Рут Аншен, издателя книги «Семья, ее роль и функции», и издательство Harper Brothers за разрешение использовать в настоящей книге мою статью «Миф об Эдипе и эдипов комплекс».

Кроме того, благодарю издателей, любезно позволивших воспользоваться отрывками из следующих публикаций: «Государство» Платона в переводе Б. Джоэтта, «Эдип в Колоне» и «Антигона» Софокла в переводе Р.К. Джебба, «Основные работы Зигмунда Фрейда» в переводе и под редакцией А.А. Брилла, «Мир сновидений» Р.Л. Вуда (Random House, N.Y.); «Толкование сновидений» Зигмунда Фрейда (Allen & Unwin, London); «Summa Theologica» Фомы Аквинского в переводе Отцов английской доминиканской митрополии (Burns, Oates & Washbourne, Ltd., London, and Benziger Brothers, N.Y.); «Сны духовидца» Канта в переводе Э.Ф. Горвитца (The Macmillan Company, N.Y.); «Лекции и биографические наброски» Ральфа Уолдо Эмерсона (Houghton Mifflin Company, Boston); «Федон» Платона в переводе Б. Джоэтта (Classics Club, W.J. Black, N.Y.); «Труды Аристотеля» в переводе и под редакцией У.Д. Росса (Oxford Clarendon Press); «О природе вещей» Лукреция в переводе У.Х.Д. Роуза (Harvard University Press, Cambridge); «Психология и религия» К.Г. Юнга (Yale University Press, New Haven); «Сновидения» Генри Бергсона в переводе Э.Э. Слоссона (B.W. Huebsch); «Процесс» Франца Кафки в переводе Э.И. Муира (Alfred A. Knopf, N.Y.).

Эрих Фромм, 1951 г.

I

Введение

Если верно, что способность удивляться есть начало мудрости, то эта истина — печальная оценка мудрости современного человека. Каковы бы ни были высокие достоинства нашего литературного и общего образования, мы утратили дар удивления. Считается, что все известно — если не нам самим, то какому-нибудь специалисту, обязанность которого знать то, что неизвестно нам. Действительно, проявление удивления смущает — это признак интеллектуальной неполноценности. Даже дети редко удивляются или по крайней мере стараются удивления не показывать; по мере того как мы взрослеем, мы постепенно теряем способность удивляться. Самым важным кажется получить правильные ответы; задавать правильные вопросы по сравнению с этим несущественно.

Такая установка, возможно, является причиной того, что один из самых загадочных фе-

номенов в нашей жизни — сновидения — вызывают так мало удивления и вопросов. Все мы видим сны; своих снов мы не понимаем, но тем не менее действуем так, как будто в нашем спящем разуме нет ничего странного — странного по крайней мере по сравнению с логичными и целенаправленными действиями нашего ума, когда мы бодрствуем, — не происходит. Когда мы бодрствуем, мы активные, рациональные существа, стремящиеся получить то, чего мы хотим, и защититься от нападения. Мы действуем и мы наблюдаем, мы видим вещи вне нас, может быть, не такими, каковы они на самом деле, но по крайней мере так, что мы можем их использовать и манипулировать ими. Однако мы не особенно наделены воображением и редко — если мы не дети и не поэты — наше воображение выходит за пределы тех историй и сюжетов, которые являются частью нашего повседневного существования. Мы успешны, но довольно скучны. Мы называем то, что ежедневно наблюдаем, «реальностью» и гордимся своим «реализмом» и тем, как умело им манипулируем. Когда же мы спим, мы оказываемся в другой форме существования. Мы видим сны. Мы изобретаем события, которые никогда не случались, и иногда такие, которые не имеют никаких прецедентов в действительности. Иногда мы бываем героями, иногда злодеями, иногда видим прекрасные

сцены и бываем счастливы, а иногда впадаем в ужас. Однако какую бы роль мы ни играли во сне, мы — его авторы, это наш сон, мы создали его сюжет. Большинство наших сновидений имеют одну общую характеристику: они не следуют законам логики, которые управляют нашими мыслями в бодрствующем состоянии. Категории пространства и времени не имеют значения. Умерших мы видим живыми; события, которые мы наблюдаем как имеющие место в настоящем, случились много лет назад. Нам снятся два одновременно происходящих события, когда в действительности произойти одновременно они не могли бы. Столь же мало внимания мы обращаем на законы пространства. Мы запросто перемещаемся в какое-то удаленное место в мгновение ока, оказываемся в двух местах одновременно, смешиваем двух разных людей в одного или наблюдаем, как неожиданно один человек превратился в другого. Действительно, в своих снах мы создатели мира, в котором время и пространство, ограничивающие действия нашего тела, не имеют силы. Другая странность сновидений заключается в том, что во сне мы думаем о событиях и людях, о которых не думали многие годы и кого в бодрствующем состоянии никогда не вспомнили бы. Во сне они неожиданно оказываются знакомцами, о которых мы много раз думали. В спящем состоянии мы получаем до-

ступ к огромным источникам опыта и памяти, о существовании которых в дневное время не подозреваем. Однако, несмотря на все эти странности, наши сны, пока мы их видим, для нас реальны так же, как любые события, происходящие во время бодрствования. В сновидении не бывает «как будто». Сон — это настолько настоящее, реальное переживание, что возникают два вопроса: что есть реальность? Откуда мы знаем, что снящееся нам нереально, а то, что мы испытываем наяву, реально? Это точно выразил китайский поэт: «Прошлой ночью мне снилось, что я — бабочка, и теперь я не знаю, человек ли я, которому приснилось, что он бабочка, или бабочка, которой снится, что она — человек». Все эти волнующие, яркие события ночи не только исчезают, когда мы просыпаемся, но мы испытываем огромные трудности, пытаясь вызвать их в памяти. Большинство снов мы просто забываем настолько, что даже не можем вспомнить о том, что жили в этом другом мире. Что-то мы смутно помним в момент пробуждения, но уже в следующую секунду ничего не можем вспомнить. Некоторые сновидения мы запоминаем, и именно их имеем в виду, когда говорим: «Мне был сон». Бывает похоже на то, что какие-то духи — то ли дружественные, то ли враждебные — посетили нас, а с приходом дня неожиданно исчезли; мы

едва помним, что они приходили, как и то, насколько полностью мы были ими захвачены.

Возможно, самым загадочным из всех перечисленных факторов является сходство продукта нашего творчества во сне со старейшими созданиями человека — мифами. На самом деле мифы не так уж нас озадачивают. Если они становятся уважаемой частью нашей религии, они получают наше признание, хотя и поверхностное, как часть уважаемой традиции; если они не обладают таким традиционным авторитетом, мы воспринимаем их как выражение незрелого мышления человека, еще не просвещенного наукой. В любом случае — игнорируем мы их, презираем или уважаем — мифы воспринимаются как нечто, совершенно чуждое нашему собственному мышлению. Тем не менее факт остается фактом: многие наши сновидения и по стилю, и по содержанию похожи на мифы, и мы, находя их странными и далекими от жизни, когда мы бодрствуем, обладаем способностью создавать эти подобные мифам творения во сне.

В мифе тоже происходят драматические события, невозможные в мире, где правят законы времени и пространства: герой покидает свой дом и свою родину, чтобы спасти мир, или бежит от своей миссии и живет в животе огромной рыбы, умирает и возрождается; сказочная

птица сгорает и восстает из пепла еще прекраснее, чем была.

Конечно, разные народы создавали разные мифы точно так же, как разные люди видят разные сны. Однако, несмотря на все эти различия, все мифы и все сны имеют одну общую черту: все они «написаны» на одном и том же языке — языке символическом.

Мифы вавилонян, индийцев, египтян, евреев, греков написаны на том же языке, что и мифы ашанти или трук. Сны человека, сегодня живущего в Нью-Йорке или в Париже, такие же, как сны, о которых сообщали люди, жившие тысячи лет назад в Афинах или Иерусалиме.

Сновидения древнего и современного человека написаны на одинаковом языке с мифами, авторы которых жили на заре истории. Символический язык — это язык, на котором внутренние события, чувства и мысли выражаются так, словно они — чувственный опыт, события внешнего мира. Это язык, имеющий логику, отличную от привычной, которой мы пользуемся в дневное время, логику, в которой правят не время и пространство, а интенсивность и ассоциации. Это единственный универсальный язык, когда-либо созданный человеческой расой, один и тот же для всех культур на протяжении истории. Это язык с собственной грамматикой и синтаксисом, язык, который нужно